

ЕЛЕНА ХАНЕН
(рассказы для детей)

ВЫБРОСИТЬ ВСЁ

Выбросить всё к чертям собачьим! Не дом, а помойка. Все только и делают, что притаскивают какие-то вещи, а потом бросают где попало. Ничего найти нельзя. Всего-то три человека живут, из них только один ребёнок, а посмотришь вокруг – словно сто штук детей тут обитает, везде игрушки валяются, книжки с картинками, воздушные шарики... Скоро повернуться негде будет. Весь день только и занимаюсь, что порядок навожу. Хватит с меня.

Выбросить. Хотя бы половину. Зачем ребёнку такая куча игрушек? Тем более она не совсем уж и ребёнок. Оставить только самые любимые, на память. Штук пять. Или шесть.

Час кружения по дому и вот на ковре в гостиной появился курган из игрушек. Дома никого нет, замечательно, никто ныть не будет – жалко, не выбрасывай, мам...

Принесла три бельевых корзины: одна маленькая – для тех, кого оставить в доме – "на память", и две огромных – этих отдать в ближайший детский сад или просто выбросить. Сейчас-сейчас, наконец-то расправлюсь с этим хламом!

Вот пегий длиннолапый пёс по имени Генрих. Свёкр подарил. Он любит собак и почти все игрушки, которые он моей дочке подарил – собаки. Ритуал дарения всегда один и тот же: он прячет игрушку за спиной, сутулится и, странно скрючившись, бочком подходит к внучке. И замирает, наслаждаясь моментом. Лысина розовеет, глаза блестят от радости – в предвкушении сюрприза, будто подарок сейчас получит он сам. И, наконец, протягивает игрушку.

– Это Генрих! – говорит свёкр. – Я его встретил по дороге к тебе. Возьмёшь к себе жить?

Мне вдруг стало жалко выкидывать бедного Генриха на улицу. Если бы не он, я бы никогда не узнала, что этот насупленный ворчливый старик умеет по-детски улыбаться и корчить смешные рожи... И Генрих отправляется в маленькую корзину.

А вот рыжая лиса Труди. Я сама её купила дочке на день рождения, пять лет, и мы взяли Труди в отпуск на Тенерифу. За две недели лиса от постоянного таскания по пляжам превратилась из рыжей в черно-бурую. Ехали в аэропорт, дочка забыла игрушку в такси. Хватились поздно, когда такси уже уехало.

Всю дорогу в самолёте ребёнок молча страдал. Муж сказал – подумаешь, купим тебе такую же, когда домой вернёмся. Глупость сказал. Такую же купить невозможно. И мы пообещали позвонить в бюро находок – может быть, таксист нашёл игрушку, и тогда Труды пришлют по почте. Муж честно пытался дозвониться в бюро находок на Тенерифе, а когда дочка в трёхсотый, наверное, раз спросила, нашлась ли Труды, он купил такую же лису в магазине игрушек. Она была новая, чистая, и, чтобы дочка не заметила подмены, долго тёр лису мордой об асфальт, посыпал землёй и топтал. Велика была радость ребёнка, когда муж небрежно сказал – там какая-то посылка из Тенерифы сегодня пришла...

Труды отправляется в маленькую корзинку. Пусть живёт в нашем доме.

Плюшевая лошадь. Одна из маленького табуна себе подобных. У неё близко посаженные глаза и широчайшая улыбка. На редкость идиотская. Как у того, кто её подарил. Так же, как собаки похожи на своих хозяев, так и игрушки напоминают чем-то тех, кто их выбирал... Петер, школьный друг мужа, размазня и неудачник. Однажды вечером мы заехали нему домой.

– Великий предприниматель в подвале, – сказала жена Петера, нервно засмеявшись. – Он у нас опять новое дело начал! Хотите на «товар» посмотреть?

В подвальной комнате, среди громоздившихся до потолка коробок, стоял Петер. Огромный, как ставший на задние лапы медведь, он вскрывал картонки и сортировал «товар». Это были плюшевые игрушки – разнокалиберные и разноцветные лошади, все как одна с близко посаженными глазами и дурацкими улыбками.

– Он собирает вот это, – прошептала жена мне на ухо, – продавать в своём интернет-магазине. Хотела бы я посмотреть на тех дураков, которые такую гадость купят.

– Почему гадость? – Петер услышал шепот жены. – Посмотри, какие они смешные!

Она молча усмехнулась и покачала головой.

Когда мы уже отъезжали от дома Петера, он выскочил навстречу с целой охапкой плюшевых лошадей.

– Возьмите ребёнку! Скорее, чтоб жена не увидела, она не любит, когда я товар раздариваю!

– Зачем так много, Петер! – сказала я, но он высыпал игрушки на заднее сиденье машины и пробормотал: – Берите, берите, я ведь их всё равно не продам, а ребёнок порадуетя...

Через неделю Петера нашли мёртвым в подвальной комнате, среди улыбающихся плюшевых лошадей. Он умер от остановки сердца – так писала местная газета. Но в городе ходили слухи, что «великий предприниматель» повесился, осознав вдруг невозможность решения своих финансовых проблем.

Улыбающаяся лошадь летит в маленькую корзинку. Не могу её выбросить – она напоминает мне бедолагу Петера...

Плюшевый мишка, коричневый, с блестящими глазками. Скучный, как жизнь тётушки Амалии - старой девы, замкнутой, нелюдимой. Умерла в прошлом году. Уникальная жизнь, неправдоподобно бедная событиями, и как только она смогла так прожить – без друзей, без семьи, даже без зверюшки в доме. Наверное, эта игрушка – первая и последняя, которую тётка Амалия когда-нибудь покупала. Её подарок я не могу выбросить...

Ушастый Микки-маус. Его прислала моя лучшая подруга Инна из Нью-Йорка, когда узнала, что у меня родилась дочь. С Инной мы когда-то, сто лет назад, вместе учились в университете, потом вкалывали в аспирантуре. О, нам есть о чём вспомнить! Замечательное тогда было время, мы были такие молодые, красивые и смелые. Инна, а помнишь, как мы вместе мотались по командировкам? Весь Союз исколесили... Но вот пьянящий ветер молодости стих, сменившись штилем уважаемой семейной жизни. Микки-Маус оказался прощальным подарком. Грустно.

А эту смешную белку с золочёным орешком в лапах держала моя мать во аэропорте Дюссельдорфа, когда приехала к нам посмотреть на внучку...

Нет, так дело не пойдёт. За какую игрушку не возьмись – сразу оживает чей-то призрак, настойчиво напоминает о себе, и забытый было кусочек жизни всплывает вновь из глубин памяти.

А стоит ли цепляться за прошедшее? Сидеть перед грудой старья и грустить? Надо двигаться вперёд, не оглядываясь...

Я принесла пластиковые мешки для мусора и стала поспешно запихивать игрушки – все подряд, даже те, что были отложены в маленькую корзинку. Через пару минут уже ни одной игрушки не осталось на ковре, лишь плотно утрамбованные и крепко перевязанные мешки стояли на ковре. С глаз долой!

Всё тащу в подвал, запихиваю в шкаф и закрываю дверцы. Пусть полежат, а когда-нибудь мы вместе с дочкой развяжем один из мешков, сядем у камина и я расскажу ей интересные истории про добрых людей, даривших ей плюшевых зверюшек....

ДЕФЕКТНЫЙ

– А что если мы канарейку подарим? – Макс испуганно посмотрел на брата.

– Канарейку? Птицу что-ли? – ответил Ральф, презрительно поджав губы.

Уже несколько дней мальчишки пытались придумать, что подарить дедушке на день рождения. Завтра ему исполнялось семьдесят пять лет.

– По-о-омнишь, он рассказывал... у него когда-то жила канарейка, ну и...

– Не помню! – грубо перебил его Ральф. Он не привык церемониться с младшим братом, который раздражал своей манерой говорить медленно и невнятно.

– Ладно, давай канарейку, а то мы уже целую неделю решить не можем.

– Пойдем завтра утром покупать? – вжав голову в плечи, спросил Макс.

– Твоя идея, ты и покупай! – рявкнул Ральф. – Все, иди давай!

Рано утром Макс отправился в зоомагазин. Он часто заходил сюда просто так – посмотреть на рыб в аквариумах, на птиц, кроликов и всякую мелкую живность, сидящую в клетках и вольерах. В первый раз он зашел в магазин покупателем.

– А родители тебе разрешили купить канарейку? Тебе сколько лет-то? – с напускной строгостью спросил продавец.

– Двенадцать! – ответил Макс и непонятно отчего покраснел. – Конечно, мне разрешили!

Продавец открыл дверцу вольера с канарейками и шагнул внутрь. Птицы, по крайней мере три десятка, разом вспорхнули и заметались в тесном для полета помещении. У Макса зарябило в глазах от мельтешивших золотистых комочков. Взмахнув наугад сачком, продавец поймал одну канарейку, ловко, но бережно схватил её, осмотрел. И отпустил. Поймал другую и, едва взглянув, снова отпустил. Опять замахал сачком.

– У первой крыло повреждено, – пояснил мальчику продавец, – а у второй глазик только один... Ага, вот эта вроде бы нормальная! Смотри, нравится?

– Какая красивая! Жёлтенькая! – пролепетал Макс.

– Ах, жаль, и эта тоже с дефектом! – скислившись, сказал продавец. – Смотри-ка, у нее на одной лапке только два пальчика – и оба в одну сторону. Она будет с жердочки падать! Продавец отпустил птицу. Вспорхнув, она уселась на пол.

Четвертая канарейка оказалась нормальной. С двумя глазами, нормальными крыльями и полным набором пальчиков. Продавец осторожно посадил ее в коробку и вышел из вольера.

– А что это они у вас почти все дефектные? – спросил Макс.

– Да просто здоровых мы распродаем, а с дефектами остаются. Вот и накопились со временем, – ответил продавец.

– А можно я и эту тоже куплю? – Макс указал на птичку, всё ещё сидящую

на полу. – Которая с жердочки падает. Сколько она стоит?

– Нисколько! Можешь так забирать, её же всё равно никто не купит. Берёшь? Макс закивал, его длинный рот растянулся в улыбке.

Потом он купил клетку и пакет корма, потратив почти без остатка сорок пять евро, которые они с братом скопили на подарок деду. Довольный, потащил свои покупки домой.

– Ты что, двух, что ли, купил? – вглядываясь в клетку, процедил Ральф.

– Мне вторую так отдали! Бесплатно! Красивые птицы, правда? Деду понравятся!

– А почему бесплатно-то ?

– Потому что вон та – дефектная! Она с жердочки падает, у нее пальчиков не хватает!

Макс попытался улыбнуться, но вышла дурацкая гримаса.

– А вот у тебя мозгов не хватает! – усмехнулся брат. – Кто же это дарит подарки с дефектами? Это все равно что ну... как торт тухлый подарить! Придурок ты! Ничего по-человечески сделать не можешь! Сам ты у нас дефектный! Урод!

Ральф презрительно смотрел на брата, на его длинный рот, такой же, как и у него самого. Они были похожи внешне и оба были некрасивые. Однако Ральф становился все более рослым и крепким, а Макс оставался долговязым дохляком, нескладным и нелепым.

Ральфу нравилось, что младший брат боялся и робел перед ним. Может быть оттого, что Ральф сам боялся и робел многих своих приятелей? Всякий раз, находя повод поорать на брата, а повод находился часто, Ральф с наслаждением отдавался гневу. Вот и сейчас он уже приготовился выпалить пару обидных фраз, но в комнату вошла мама, нарядная и благоухающая.

– Какие милые птички! – воскликнула она, присев перед клеткой. – Молодцы мальчики, отличная идея!

– Да он дефектную птицу принес! – прошипел Ральф. – Вон ту, без пальцев...

– О-о-о, Макс, ну что же ты... Смотреть надо, что покупаешь! И поменять уже времени нет. Жаль, жаль... Ну ладно, идемте, пора!

Мама сокрушённо покачала головой вышла, за ней молча удалился Ральф. Макс подошел к клетке, хотел было взять её, но опустил вдруг руки и уставился на «дефектную» птицу. Гневная гримаса исказила его лицо. Шумно задышав, он плотно сжал губы. Резко открыл дверцу клетки и схватил пытавшуюся взлететь канарейку. Подбежав к окну, распахнул и, словно мячик, выбросил наружу крошечную птичку. Она закувыркалась в воздухе, но лишь на мгновенье, и быстро-быстро замахав крылышками, полетела прочь. Ярко-желтый комочек быстро исчез за деревьями. Макс схватил клетку с единственной канарейкой, сидевшей на жердочке, и сбежал вниз по лестнице.

Идти было недалеко – дом дедушки находился на параллельной улице, в двух минутах ходьбы. Впереди, с большим букетом выступала мама, рядом шёл отец.

Он с пыхтеньем тащил коробку с французскими винами. За отцом налегке топал Ральф, а замыкал шествие Макс с клеткой. Никто не заметил, что в ней сидит только одна птица.

Макс еле сдерживался, чтобы не расплакаться. Он ненавидел и эту улицу, и всех людей вокруг, и себя самого. Особенно себя самого – за то, что он такой трусливый и слабый. За то, что смалодушничал, потерял контроль и совершил подлость.

«Птицу, наверняка, теперь сожрёт кошка. Я убил бедную маленькую канарейку. Это Ральф меня довёл! Ненавижу!», – бормотал Макс.

Он решил – как только сможет, уйдет потихоньку и будет искать канарейку. Дефектную, как он сам...

– Мальчики для тебя подготовили сюрприз! – с радостной маской на лице объявила мама. – Ну, где вы там?

Дедушка, которому уже вручили и большой букет, и коробку с винами, стоял посреди гостиной и смущённо улыбался. Братья двинулись к нему. Ральф – протягивая руку и широко улыбаясь, за ним ковылял Макс со своей клеткой. Он тоже пытался улыбаться.

– Вот...

Макс поставил перед дедом клетку с канарейкой. Все ждали поздравительных фраз, но мальчик молчал.

– Мы подумали, одной птичке будет скучно, и взяли сразу... – бодро начал говорить Ральф и вдруг запнулся, увидев, что в клетке сидит только одна канарейка.

– Канарейка! Ну и день у меня сегодня! Что за день! Что за день! – всё повторял старик. Казалось, он не слушал, что говорит Ральф.

Появилась бабушка и пригласила всех к столу, завершив тем самым – к великому облегчению для всех её участников – торжественную часть юбилея.

Макс промучился с полчаса за столом, механически жевал и ждал, когда подвернётся удобный момент улизнуть и отправится на поиски канарейки. Сначала надо пробраться на чердак – кажется, у деда есть сачок, да, он раньше увлекался рыбалкой. Не найдётся сачок – всё равно, снимет футболку, можно и футболкой попытаться... главное – найти её! Живой!

За столом между тем начался бестолковый и шумный разговор. Макс встал и пошёл прочь. Никто никак не отреагировал. Он вышел из столовой и вот – уже на чердаке, и странным образом, сразу нашёлся сачок. Макс хватает его, спешит к лестнице... и вдруг в проёме двери появляется дедушка.

– Кого это ты собираешься ловить, мальчик?

Дед всегда обращался к Максy не по имени, а именно так: мальчик.

– Я скоро вернусь, – сказал Макс, заливаясь краской.

– Что-то с тобой не так. Ну-ка, выкладывай. Давай, присядем. Да положи ты свой сачок!

Макс со злостью бросил сачок. Отвернувшись, плотно сжатый рот начал кривиться, глаза наполнились слезами. Дед протянул руку, хотел дотронуться до плеча Макса, но тот дёрнулся, отступил в сторону.

– Мальчик!

– Я не мальчик! Я – урод! Я – дефектный!

– Боже мой, что ты такое говоришь!

– Это Ральф говорит! Он говорит, я дефектный... Ненавижу его. Ненавижу!

Злобно щурясь, Макс выпаливал каждое слово со страстью, впервые в жизни он говорил так, и сам удивлялся, и наслаждался тем, что он на такое способен.

– Ненавижу, у-у-у, до чего я его ненавижу! Вырасту, стану сильным, он у меня получит! Отколошмачу! До смерти!

Макс умолк, успокоился вдруг, и слёзы уже высохли.

– Значит, ты сачок взял, чтобы Ральфа забить до смерти? – спросил дед. – Да сядь ты, наконец.

Макс криво улыбнулся. Они уселись на старый диван, и Макс рассказал деду историю про канарейку.

– Это всё из-за Ральфа. Зачем он меня дефектным называет? Разве я дефектный, дедушка?

– Конечно, дефектный. Тихо, сядь, пожалуйста! Сейчас объясню, ты погоди обижаться!

Макс хмуро смотрел на деда.

– Знаешь, мальчик, когда кого-то ненавидят, сильно ненавидят, и желают ему смерти, или хотят избить, изувечить, – тогда становятся дефектными. И начинают делать разные глупости. Вот, смотри, ты в ненависти когда был – взял, да птицу-калеку на улицу выкинул. Да что там птицу, брата убить захотел... верю, не сделаешь такое никогда... а вдруг?... Не надо никогда и никого ненавидеть – ни других, ни себя. Не надо, мальчик!

Макс молчал, но хмурость уже сошла с лица его. Дед вдруг хлопнул себя по лбу и, поднимаясь с дивана, громко произнёс:

– Ай, забыл совсем! Я же за тобой пошёл, чтобы кое-что интересное показать! Иди-ка за мной!

Загадочно улыбаясь, дедушка привел Макса к спальне, приоткрыл дверь. Макс заглянул в комнату. Там, на ковре, сидела ярко-желтая канарейка.

– Представляешь: открываю утром окно, проветрить хотел, и вдруг залетает канарейка! Полетала по комнате и на пол села. Посмотрел внимательно, а у птички ножка повреждена... Зато как поёт красиво! И что сегодня за чудный день!

Макс согласился с дедом – сегодня выдался и взаправду чудный день!

КОШАЧЬЯ УЛИЦА

У меня есть кошка, и у соседей справа есть кошка. В доме напротив, у Вернера и Катрин, недавно кошка померла от старости, и они сразу же взяли из приюта другую, такой же масти. У соседа слева живёт шарообразный рыжий кот. Есть кошки в других домах подальше от моего. Ни одной собаки, одни кошачьи вокруг, гуляют сами по себе день-деньской. Улица у нас тихая, тупиковая, машины редко ездят. Кошки прямо по проезжей части разгуливают. То и дело слышно – "миц-миц-миц!" – так у немцев принято кошек подзывать. Иногда и моё русское "кс-кс-кс" вклинивается...

Несколько месяцев назад в особнячок на перекрёстке въехали новые жильцы – солидный мужчичка лет пятидесяти с молодой женой и – ну конечно, улица у нас такая – с котом. Котище – красавец, богатырь. Породы мейн-кун. Серый, мохнатый. Все остальные коты и кошки рядом с ним – мелюзга, особенно моя сиамка. Кошковладельцы сразу насторожились – как бы этот амбал не стал их "миц-миц" обижать.

Получилось наоборот – мейн-кун хоть и крупный зверь, да робкий оказался. Рыжий шарообразный кот, который от соседа слева, пытался новичка на бой вызвать – стойку делал, хвост распушив, выл громко... да всё без толку. Мейн-кун в драку не хотел ввязываться. Хвост поджав, бочком-бочком перемещался поближе к дому, а там молодая хозяйка, вопли кошачьи услышав, на улицу уж выбегает, котика на руки подхватывает. Хозяйка, кстати, – крупная дама с буйной шевелюрой. На огромного кота своего чем-то смахивает.

А рыжему быстро надоело зря стараться. Перестал он мейн-куна задирать. Снова мир и покой воцарились на нашей кошачьей улице.

Недавно замечаю – исчез мейн-кун. Все кошки и коты на месте – ходят, как обычно, по улице, а громилы серого не видно. Украли может быть? Породистый ведь котик, дорогой. Или того хуже – на большую дорогу вышел, под машину попал? Жаль, жаль, такой красавец, добрый был зверь, погладить себя давал.

Сами хозяева на месте – частенько их вижу – и мужчичку солидного, и жёнку его габаритную с буйной шевелюрой. Соседи про них сплетничали – вот, ведь, какой, поганец, жену с детками бросил, на практикантке женился. Сильвией зовут. В дочки ему годится...

Вчера вечером соседи из дома напротив, Вернер и Катрин, заглянули к нам в гости – винца выпить, поболтать о том, о сём. Я спросила про мейн-куна – куда ж он делся?

– Уехал котик, вместе с Сильвией, – отвечает охотно Катрин. – Развелись они.

– Разве? Я Сильвию каждый день вижу...

– Это не Сильвия! У него теперь другая. Матильда.

– Матильда?

Ну и дела. Я и не заметила, что там хозяйка другая. Похожа-то как на предыдущую – не отличить издалека, такая же крупная дама с буйной шевелюрой. Да, впрочем, я и не приглядывалась! Котик серый был мне гораздо интереснее, чем соседи...

НАКОРМИТЬ РЕБЁНКА

Сегодня у меня выходной, можно без спешки приготовить что-нибудь вкусненькое к обеду. Тем более, что у нас в доме гость: моя дочка пригласила свою одноклассницу, девятилетнюю Эрику Мюллер. Милая девочка с ямочками на щеках.

– Скоро будем обедать? Мы есть хотим! Что на обед? – затараторили обе подружки, заявившись на кухню.

На обед был супчик из наваристого прозрачного бульона с кореньями, жареная рыбка – филе лосося и форели, на гарнир – картофельное пюре и брокколи, с моим "фирменным" соусом, который я научилась готовить на кулинарных курсах. Все свежайшее, сегодня утром на рынке куплено.

– Все готово! – ответила я, сбрызгивая хрустящую корочку жареного лосося соком лимона.

– Я не ем рыбу! – сморщив носик, сказала Эрика. И подумав немного, добавила: – И суп тоже не ем!

Я озадаченно заглянула в холодильник.

– Вот, есть телятина, тушенная в сметане с шампиньонами... вчера вечером приготовили... – начала было я.

– Я не ем шампиньоны! – перебила меня Эрика.

– Ну а салат из морковки с орешками будешь есть? – я показала ей салат.

– Какой смешной салат! – хихикая, ответила она. Я удивленно подняла брови. – Салат должен быть зеленым! – заявила Эрика.

Я размышляла, что же ей еще предложить?

– Может, тебе бутерброд с икрой сделать? – спросила я, показывая найденную в холодильнике банку кетовой икры.

– Бэээ! Фишайер! – брезгливо скривившись, воскликнула Эрика.

Боже, что за слово – "Фишайер" (по-немецки – «рыбьи яйца»)! Теперь уже я сама скроила брезгливую гримасу. Спокойно...

– А что ты обычно ешь? – спросила я.

– Пиццу, картофель-фри и жаренную колбасу! – сразу же отчеканила Эрика. Ничего такого в доме не было. Я вспомнила, что в морозильнике есть немного рыбных палочек. Наконец-то нашлось что-то съедобное для Эрики.

– И кетчуп с майонезом, пожалуйста! – добавила она...

СОБАКА Я, СОБАКА...

Здесь тепло и вкусно пахнет. Я лежу на мохнатой подстилке, за окном хлыщет дождь, ветер воет. Ветер злой и настырный. Я помню, как он издевался надо мной. Но ещё хуже – снег. От него болели лапы. Если бы тогда не появился мой Хозяин...

Утро было сегодня морозным, но когда мы гуляли, я ничуть не замёрзла. Хозяин каждое утро выводит меня на улицу, и мы вместе бежим. Я нарочно бегу помедленнее – вдруг Хозяин подумает, что не умеет бегать быстро. Мой Хозяин всё умеет, лучше всех умеет! Он меня любит. Хотя ни разу об этом не сказал. Но я-то вижу, что любит. Раз такую вкусную еду даёт, значит любит!

Если бы вы только знали, как хорошо лежать в тепле, на мохнатой подстилке, досыта поевши! Дремлю и прислушиваюсь. Жду, когда Хозяин вернётся. Мигом вскакиваю, несусь со всех ног навстречу, а хвост будто бешенный становится, уж так вихляться начинает - ничего поделывать не могу. Прыгаю, от счастья повизгиваю, руку лизнуть пытаюсь.

– Хорош скакать, тихо! – говорит Хозяин.

Значит, всё-таки, любит, раз со мной разговаривает! Я сама виновата, назойлива бываю. Поделом мне, ежели Хозяин вспылит, пинка в бок даст... Зато потом – полную миску вкусной еды. Потому что любит.

Я ложусь и притворяюсь, что дремлю. Боюсь досаждать. Он устал, да тут я ещё мельтешу. Глаза закрыла, а ушки слушают, каждый шорох ловят. Вдруг позовёт? Я тут как тут!

День долгим без Хозяина кажется. Но я не скучаю – дом стерегу. Вчера опять сороки кричали: воры везде, грабители. Вон у соседей замок сломали, пока никого не было, все ценные вещи унесли. Пусть только кто попробует к моему Хозяину в дом влезть! Горло перегрызу, живого места не оставлю!

Дом у Хозяина большой, комнат много. Моё место в прихожей, у двери. Да ещё в большой зале, где Хозяин на диване лежит. Иногда я и в большую залу захожу, если он подзывает. Я радуюсь – любит-таки, раз подозвал!

Но чаще всего рядом с Хозяином лежит его кот. Тогда я сажу смиренно на мохнатой подстилке и терплю. Ничего не поделаешь – раз Хозяин кота подозвал... нет-нет, он его не любит... просто привык к коту, давно эта скотина тут живёт. Раньше меня в доме появился. Приходится терпеть. Хозяин его кормит, по спинке гада волосатого гладит. Меня Хозяин на прошлой неделе тоже по голове погладил. Значит, любит, раз погладил.

Кот со мной не разговаривает. Разве что прошипит:

– Шавка ты беспорядная, объедки жрёшь. Фуууу.

Глупый кот. Нашёл чем укорять. Все породистые звери больные да хилые. Не то что я. Сколько во мне разных кровей перемешено! Мама рассказывала – даже волк в предках есть. Дикий, хитрый, настоящий зверь! Сильный, как

я. И умный. Вчера кот ни с того, ни с сего, взял да цапнул меня за лапу. Другая собака так бы его отделала! Но он - кот моего Хозяина...

Лапа распухла, наступать больно. А Хозяин-то не заметил, когда мы сегодня утром бегали! Зато притворяться не пришлось. Само получалось медленно бежать. Ничего, отлежусь на меховой подстилке, и всё пройдет. Вечером придет Хозяин. Ко мне придет.

Потому что он меня любит.